

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ПРОСТРАНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАДЕ АНАЛИТИК—КЛИЕНТ И ИХ ИЗМЕРЕНИЯ

М.В. ЛОМОВА

В первой и второй частях предлагаемой статьи речь идет о пространствах взаимодействия в диаде аналитик — клиент. Не углубляясь в метафизическую природу интра- и интерпсихических пространств взаимодействия, автор останавливается на вполне очевидных и зримых пространствах, рассматривая их внешние и отчасти внутренние аспекты и характеристики и проводя параллели с их возникновением и становлением в детстве конкретного человека. Исследование трех первичных пространств и границ и их измерений, которые вводит автор в качестве психофизических и психологических явлений и понятий, дает возможность посмотреть на аналитический процесс в более объемной перспективе. В третьей и четвертой части речь идет об ограничениях аналитического метода внутри трех обозначенных пространств. Автор задается вопросами о роли символического и конкретного удовлетворения потребностей как клиента, так и аналитика внутри особого, третьего психотерапевтического пространства в аналитическом взаимодействии.

Ключевые слова: пространства взаимодействия, измерения, границы, аналитическое пространство, пространство и границы тела, личностное пространство, «пространство жизни», возникновение и становление пространств, аналитический сеттинг, теменос, достаточно хорошая мать, модель родитель-дитя, потребности и их удовлетворение, символическое и конкретное

Часть 1. Видимые пространства взаимодействия в диаде аналитик — клиент и их измерения

Задумываемся ли мы, когда работаем аналитиками или психотерапевтами, о том, как взаимодействуют *личностные пространства* клиента и аналитика и сколько их можно насчитать? На чьей *территории* происходит взаимодействие и какие измерения у этих пространств?

«Общим местом» считается, что в аналитическом или психотерапевтическом взаимодействии происходит соприкосновение интрапсихиче-

ских пространств клиента и терапевта в интерпсихическом пространстве взаимодействия.

Налицо три психических сферы: две души — клиента и аналитика, — и межличностное пространство общения.

Однако эти пространства никогда не рассматривались пристально и прицельно в отношении к внутреннему и внешнему, а также в их проекции или реальном приложении к диспозиционному расположению двух людей относительно друг друга на территории комнаты. Не ставился также акцент и на характеристиках пересечения этих пространств, их физических проекциях и интроекциях, ментальной репрезентации и экстериоризации.

Давайте рассмотрим эти пространства и их аспекты. Они имеют внутренние и внешние стороны, у них есть объем, объективные и субъективные измерения.

Сначала коснемся внешних аспектов. Внешними аспектами пространств мы назовем как видимые физические аспекты диспозиционного расположения двух людей — психотерапевта и клиента — в рабочей комнате, так и «проявления», которые можно увидеть и которые как бы то ни было обозначаются во взаимодействии внешним образом, поведением. Это также и экстериоризированные ментальные образы, которые могут быть осознанными или нет и иметь сложную внутреннюю организацию.

Внутренними аспектами мы назовем скрытые внутриспсихические феномены в тайной комнате души, интериоризацию внешней картины взаимодействия, свертывание «результатов» психотерапевтического общения и динамического образа психотерапевта в психике, картину всего происходящего, отраженную во внутреннем мире.

Вернемся к внешним аспектам.

Представим себе, что вокруг каждого из участников взаимодействия в паре аналитик — клиент очерчен «круг», ограничивающий личностное пространство каждого и обозначающий его границы. Это то пространство, которое каждый из участников хочет и может занять, границы которого он готов обозначить как свои и будет утверждать, поддерживать и защищать, участвуя во взаимодействии с другим. Несмотря на то, что сами эти «поля» невидимы, их границы ощущаются участниками: расстояния можно измерить, а диспозиции — увидеть. В разных культурах и в разные исторические времена такие «нормы», помимо индивидуальных отличий, разнятся, что давно не является секретом для психологов.

Мы поговорим о нескольких таких пространствах и их границах в контексте аналитического динамического взаимодействия, при кото-

ром внутреннее влияет на внешнее и внешнее на внутреннее, а преобразованные внутри каждого участника диады «сухие остатки» взаимодействия продвигают или тормозят психотерапевтический процесс. Ответственность в психотерапевтическом взаимодействии в большей степени лежит на терапевте, превращающем свои впечатления и «результаты общения» с клиентом с помощью профессиональной составляющей своей личности как в рабочий инструмент, так и в содержание психологической работы, «пищу для ума».

Прежде всего, существует первая и непосредственная граница — кожа, — являющаяся самым первым видимым и ощущаемым пределом, отделяющим одного человека от мира и от другого. Кожа — это видимая внешняя граница, отделяющая организм и индивида от внешней и внутренней среды, а пространство, ограниченное кожей, — тело человека, — есть место, непосредственно этим телом занимаемое.

Психическая репрезентация этой границы, существующая внутри, может быть в той или иной мере адекватно соотносена с границей, ощущаемой человеком физически и видимой в зеркальном отражении. Этот ментальный эквивалент находится уже во внутриспсихическом пространстве как самого человека, так и его партнера. Вообразим себе ситуацию, с ходу становящуюся курьезной, когда на прием к шуплому и худенькому терапевту маленького роста приходит огромный двухметровый детина весом эдак под 150 кг. Можно представить, что все три границы и пространства придут в движение.

На психический образ и связанные с ним ощущения, мысли и чувства влияют личность самого человека и его жизненная история в системе взаимодействия с другими. Не только телесные пропорции и физические параметры аналитика и клиента, но и их одежда тоже могла бы в данном случае рассматриваться и как «вторая кожа», и как «закамуфлированное пространство». Да и сама аналитическая позиция вполне соответствует этой метафоре. Психически она может наделяться теми же самыми характеристиками, включая «персонные», «теньевые» и прочие аспекты. Существуют внутренние репрезентации (психические образы) различных «покровов» как внутри аналитика, так и внутри клиента.

Данная психическая репрезентация связана еще с одной границей — расположения объекта во внешнем пространстве, ощущаемой как своя территория, как граница персонального пространства. Это внешняя граница, тот самый «круг» или «овал», у которого есть психический эквивалент, расположенный внутри. В ситуации общения внешние личностные пространства обоих участников могут вообще не соприкасаться, соприкасаться своими границами, пересекаться и накладываться

друг на друга в большей или меньшей степени и полностью перекрывать друг друга, т.е. объединяться. В ситуации психотерапевтического общения также устанавливаются соотношения личностных пространств: кто займет большую территорию, будут ли они пересекаться или находиться на расстоянии друг от друга, задавая пространство «между» — пространство совместности, ничьей земли или нейтральной территории, за которую идет борьба.

Каковы будут возможности, психические эффекты, влияния и последствия разных вариантов соотношения двух личностных пространств — это зависит по большей части от опыта взаимодействия с другими людьми, в основании которого лежит характер взаимодействия с первичными объектами младенчества и детства, а также немногих других наиболее значимых фигур и внутренних образов на протяжении всей жизни.

Косвенные эффекты соприкосновения и наложения личных пространств можно наблюдать непосредственно, и они доступны интроспекции в тех случаях, когда происходит изменение дистанции между двумя участниками.

Как аналитик будет реагировать, если клиент отсядет подальше, придвинется или станет расхаживать по комнате, нарушая или не нарушая границы пространства психотерапевта? Напротив, клиент может неизменно занимать одно и то же положение в пространстве по отношению к аналитику, и расстояние между ними будет оставаться неизменным по инициативе клиента.

Варианты взаимодействия могут рассказать многое о личности каждого из участников и характере их взаимодействия, о степени гибкости и ригидности в способах и способности менять, удерживать и отстаивать свои границы. Поведение на этих «видимых» границах может указать на слабые точки, места возможных нарушений, «слепых пятен» не только клиента, но и — даже в первую очередь — аналитика.

Внешнее расположение в пространстве относительно друг друга и варианты изменения этого расположения или его неизменность будут отражаться в психическом мире каждого из участников взаимодействия. Способы понимания происходящего с точки зрения расположения в пространстве также могут быть различны, и это отдельная тема рассмотрения; это внешние аспекты пространства взаимодействия, которые поддаются наблюдению и в отношении которых возможна экспериментальная разработка. Однако на сегодняшний день ситуация такова, что фокус анализа не концентрируется на столь заметных и очевидных областях, и, если не выводить в собственное сознание и тем более в

сознание клиента элементы структуры и взаимодействия, они с очевидностью игнорируются и погружаются в бессознательное.

Мы хотели бы подчеркнуть наличие, по крайней мере, *трех внешних границ и трех пространств*, по всей видимости, формирующихся в процессе роста и развития ребенка в такой последовательности: *первая граница* — кожа и пространство самого индивида, объем одушевленного тела, ограниченного кожей; *вторая граница* — граница личного пространства, условно индивидуальная граница личности и индивидуальный объем, индивидуальное пространство, находящееся за пределами тела, но включающее его; и *третья граница* — это личная территория, одновременно являющаяся и межличностной, принадлежащее человеку пространство жизни, его местонахождение, «дом», некая территория взаимодействия, место, где (временно или постоянно) может находиться больше чем один участник.

Все три обозначенные границы и пространства имеют в большей или меньшей степени четкую, богатую, наполненную психическую репрезентацию во внутреннем мире индивида. Границы могут быть хорошо «очерченными», ясными, определенными, устойчивыми, эластичными и гибкими — или же размытыми, туманными; разрушенными, разорванными — или же «железобетонными», непробиваемыми.

Часть 2. Аналитическая психотерапия: особое третье пространство

Поговорим об аналитическом взаимодействии, об аналитическом направлении в психотерапии.

Аналитическое взаимодействие подразумевает регулярный (от одной до трех встреч в неделю) и долговременный (от года до нескольких лет, или даже десятков лет) контакт. Это метод, имеющий в своем арсенале стратегические концепции, «схемы», «карты» развития психики, способы и правила взаимодействия.

Одна из таких путеводных карт — концепция К.Г. Юнга о развитии личности, начиная со взаимодействия «эго-комплекса» с комплексами «персоны» и «тени» внутри личности, опосредующими взаимодействие человека с внешним миром, и отражающими его установку по отношению к миру и другим людям.

Далее, в парадигме основателя аналитической психологии развитие происходит через взаимодействие «эго» с личными комплексами «матери» и «отца», внутри которых находится архетипическое ядро (собственно, архетипическое ядро находится внутри любого комплекса), и много позже индивид становится готов соприкоснуться с более глубо-

кими слоями собственной души — архетипическими образованиями, названными «анима» и «анимус», посредниками во взаимодействии с внутренним миром. Это так называемая внутренняя, скрытая не только от внешних, но зачастую и от внутренних глаз установка по отношению к собственному внутреннему миру и душам других людей.

«Анима» и «анимус» метафорически являются воротами к собственным глубинам, внутреннему космосу — воротами, открывающими доступ к «самости». Именно к обнаружению и воплощению в жизнь собственной уникальной глубинной сущности, парадоксально связанной с самыми универсальными составляющими человеческого бытия, — «самости», в терминах К.Г. Юнга, — смещаются акценты, энергетические жизненные силы и цели человека во второй половине жизни, после того как задачи «эго» осуществлены и в той или иной мере достигнуты.

Дальнейшее развитие — путь индивидуации — строится по оси «эго — самость». Большое внимание уделяется также и комплексу «ребенка» внутри психики, в центре которого лежит универсальный общечеловеческий первичный образ, которым в снах, фантазиях, образах и видениях часто облекается «самость» [Стайн, 2010].

В аналитическом взаимодействии встреча обычно происходит на как бы «нейтральной» территории, например, в офисе, арендуемом аналитиком; реже — на его частной территории: у него дома, в кабинете или отведенном рабочем пространстве. По сути, клиент всегда приходит на территорию аналитика, а не наоборот. Исключение составляют маленькие дети, оставленные на попечение государства во Франции, — там детский аналитик приходит в приют [Эльячефф, 1999].

Итак, с точки зрения внешнего аспекта, взаимодействие происходит на территории аналитика, — это третье пространство в нашем анализе, но это его третье пространство, «дом» аналитика. Это не пространство «между» (в терминологии М. Бубера), и именно аналитик задает «территориальные нормы». Есть ли они? И какие?

Зачастую расположение в пространстве в аналитической паре фиксировано и неизменно. Также аналитик, как правило, не приглашает клиента к тому, чтобы тот «освоил» территорию терапевта, например, походил по комнате, выбрал себе место и т.д. Обычно расстояние между участниками аналитического взаимодействия также не выбирается клиентом, а «задается» аналитиком в том, как уже заранее расположено кресло терапевта и кресло или кушетка клиента.

У этих, так называемых «внешних» аспектов пространств взаимодействия существует множество сторон. Мы не будем сейчас останавливаться на анализе всех возможностей их сознательного психотерапевтического

го использования и эффектов «бессознательного» игнорирования, но отметим, что комната аналитика и ее границы есть третья, но особое (чужое) пространство во взаимодействии. И отличается оно от обычного переживания «дома» другими особыми отпечатками, гораздо более скрытыми «следами» хозяина (в нашем случае — аналитика), мало что рассказывающими о его характере, личности и профессиональной позиции, иными словами — некоторой дополнительной оболочкой, существенно изменяющей нормы допустимого поведения. Клиент может столкнуться с отказом воспользоваться туалетом, выпить воды, осмотреться, поменять расположение относительно аналитика, встать и сделать какие-то движения. Могут скрыто «не приветствоваться» песнопения, громкие крики, удары с помощью специальных приспособлений по подушке или тренировочному мату и т.д., что в других направлениях психотерапии открыто «поощряется». Это третья пространство чаще гораздо более искусственное, чем дом или даже офис. К тому же «нормативы», принятые в аналитическом пространстве, могут разительно отличаться от образцов культуры, принятых в обществе, даже при посещении официального места. Скрытые сообщения от этого пространства могут быть такими: «мы здесь временно», «мы не вполне здесь», «меня здесь почти нет» и многих других посланий, более существенно отражающих ситуацию.

По существу, в аналитическом взаимодействии присутствует негласная установка: мы здесь присутствуем исключительно как говорящие головы — работаем с внутренним миром с целью повышения уровня сознания посредством слов; в нем также ощущается жесткая граница, лимитирующая освоение третьего пространства. Оно изначально «чужое», и его возможность стать «своим» сомнительна. Но на эту «третью», чужую территорию приходят два определенных человека со своими личностными и телесными границами и пространствами.

Это формальные характеристики особого пространства — аналитического. В конкретном же третьем пространстве определенного аналитика неявно присутствуют элементы того, как появлялись, устанавливались и развивались все три границы и пространства у него самого на протяжении жизни внутри определенной семьи и культуры, в том числе и профессиональной. Передвинет ли он кресла в предоставленном ему или арендованном офисе, будет ли он гордиться евроремонтом или стесняться потертостей на стенах, во что он будет одет, будет ли он внимателен к физическим проявлениям своего клиента?

На данный момент некоторые особенности аналитического взаимодействия вступают в противоречие с принципом «свободного и защищенного» [Bradway, McCoard, 1997] и «вмещающе-способствующего»

или, в другом переводе, «удерживающе-способствующего» [Winnicott, 1971] психотерапевтического пространства в его внешних аспектах. Свобода подразумевает творчество и ответственность за последствия, а безопасность — обоснованные ограничения и осмысленные законы. На сегодняшний день страдает порой и то и другое — в силу личных, профессиональных, культурных и универсальных причин.

Вероятно, экспериментальные, феноменологические и аналитические исследования позволили бы внести большую ясность в эти вопросы и более глубоко и осмысленно определить базовые основания тех или иных границ и ограничений, как явных, так и скрытых.

Но нас, прежде всего, интересуют профессиональные возможности и ограничения внутри первых, обозначенных нами границ.

Давайте поразмыслим, как они возникают и формируются.

Психологический аспект первой границы — кожи — и первого пространства самого индивида и организма возникают и формируются в тесной взаимосвязи с матерью или ее заместителем и зависят от того, что Д. Винникотт называл взаимодействием с «достаточно хорошей матерью». Во многом это зависит от того, что на психофизическом уровне ощущается младенцем как удовлетворенность жизнью, как любовь, сохранность, связанность. В целом, это зависимость от количества духовно-душевно-телесного взаимодействия матери с ребенком и качества его целостности [Винникотт, 2004]. Мы сейчас умышленно не будем останавливаться на пренатальных аспектах этого взаимодействия.

Более контейнирующей (в аналитической терминологии) является такая забота, где проявлена способность матери естественно, уверенно и нежно держать младенца на руках физически, удерживать его внутри себя «психически» и, общаясь «сердечно и умно», прикасаться к нему не только физически, а и психологически и на уровне духа, т.е. осуществлять хорошей «холдинг» во всех смыслах.

На психофизическом уровне это дает ребенку переживания стабильности и устойчивости телесной границы и сохранного психофизического пространства. В аналитическом контакте это внешне отражено скорее в отношении к своему телу и к телу клиента, ко всему тому, что с ним связано, своим и чужим «кожам», например, одежде и тому, что образует психологические и духовные «покровы» — защищающему, оберегающему, сохраняющему, поддерживающему, удерживающему, объединяющему, уважающему саму жизнь — иными словами, заботливо-контейнирующему стилю взаимодействия и соответствующей внутренней установкой. Это материнский, «покрывающий хорошее и плохое» аспект. На духовном уровне в христианской традиции это можно соотнести с

идеей Покрова Богородицы, защищающего от врагов, укрывающего от бед и покрывающего грехи людей.

Внутренний мир, проявления внутреннего пространства терапевта, как правило, находятся скрытыми под внешними покровами его аналитической позиции. Скорее всего, они будут проявляться не только косвенно, но и, возможно, искаженно — в силу установки на нейтральность аналитической позиции.

Наработанная аналитическая позиция и личность терапевта могут быть едва соотносимы, могут неразлично сливаться друг с другом, или же границы этих пространств будут отстоять друг от друга на некоторое расстояние, оставляя зазор для творчества, обдумывания и отсрочивания откликов. С точки зрения Юнга, основной успех зависит именно от личности терапевта и гораздо меньше — от метода. В современных концепциях пытаются соотнести личность и метод [Виннер, 2011]. С нашей точки зрения, вопрос заключается не столько в методе и техниках, сколько он скрыт в соотношении личного и профессионального, в том, какова дистанция между двумя объёмными воплощениями, одно из которых названо «личность», а другое — «профессиональная позиция», «роль»? И есть ли вообще такая дистанция? Нужна ли она? И как достичь такого «диссоциативного» состояния?

Взаимодействие внутри первых пространств и границ в аналитическом контакте лимитировано. Но все «символические» прикосновения к «коже» терапевта и его «телу» или, наоборот, к «физике» клиента (например, замечания относительно того, хорошо ли выглядит терапевт или клиент, во что он одет, какое у него лицо, засыпает ли он или у него сводит живот и т.д.) можно отнести к взаимодействию на этой первичной границе или в первичном пространстве. Если подходить к осмыслению происходящего на сессии с этих позиций, то интерпретационное поле может существенно расширяться, а то и вовсе кардинально измениться.

Мы предполагаем, что вторая значимая граница (после самой непосредственной границы тела — кожи), которую мы интуитивно знаем как границу личного пространства, будет также во многом зависеть как от психологического, так и от телесного взаимодействия и его качества внутри семьи в детстве.

Мы предполагаем, что первично эта вторая граница — граница личности, личностного пространства — будет возникать, формироваться, а затем и располагаться на расстоянии полностью вытянутых рук ребенка.

Это первое физическое расстояние в пространстве, которое младенец старается освоить, сначала цепляясь и виртуально «вытягиваясь» взглядом, а потом дотягиваясь ручками. Тогда пределом личностной сферы бу-

дет та невидимая граница в пространстве, до которой он сможет дотянуться руками вперед, в стороны и назад вокруг себя, т.е. территория, которую он может освоить сначала с помощью «дотягивания», потом отталкивания и выталкивания неприемлемых объектов за пределы «границ я» в сферу «не-я», уплотняя и «материализуя» ощущение своей реальности и чувствую зарождающейся психологической идентичности.

Это и станет началом формирования границы личностного пространства. Соответственно, примерами взаимодействия на границе и внутри этих пространств могут быть перемещения клиента и терапевта, их дистанция и физическая пространственная динамика по отношению друг к другу, включающая в том числе и физический контакт.

Фантазируя на тему психической репрезентации этой границы в одном из аспектов ее выражения и дальнейшем психологическом развитии, можно предположить, что она будет связана с вопросами разных аспектов идентичности и автономии, формированием способности ориентироваться, стремиться и мечтать, ставить и достигать цели, удовлетворяться достигнутым и покорять новые вершины. Иными словами: что она будет связана с наличием или отсутствием проблем в ориентировке, постановке, достижении каких бы то ни было целей в жизни и, в целом, самой возможностью и способностью удовлетворения психологических потребностей и их ясным осознанием. Возможно, этот момент устремленности за границы своего физического тела и первичная невозможность дотронуться до реальной вещи и есть момент зарождения на психофизическом уровне способности к символизации, который так существенен в аналитической психологии и вокруг значимости которого ведутся нескончаемые споры.

Личное пространство — это та территория, которую человек хочет и готов занять. Оно будет увеличиваться по мере роста ребенка, а его «качество» и размеры будут меняться в зависимости от разных условий, в том числе и от ограничений пространствами других людей. Мы интуитивно знаем, что некоторых людей «бывает очень много», а некоторые «подобны теням, сливающимся с фоном».

Граница же личного пространства — это тот его предел, который человек может обозначить и защитить: отстоять определяемое им место как свое собственное, свое ограждение, «свой магический круг». Эта граница также может меняться: сужаться и расширяться, становясь более гибкой, или затвердевать, провоцируя «пробой» или отступления в общении с другими.

Следующим кругом будет та территория, где ребенок живет, его собственная комната или уголок, территория, на которой он может «рас-

пространиться», передвигаясь сначала ползком, а потом на ногах; территория, которая воспринимается как ему принадлежащая и куда он может пригласить другого или, наоборот, закрыть кому-то доступ. Иными словами, эта граница непосредственно будет связана с еще одним этапом отделения, становления и упрочения идентичности и автономии.

По мере освоения все больших «кругов» в окружающем мире более ранние границы, возможно, будут становиться все более четкими и определенными, сохраняя подвижность, а последующие в процессе установления могут быть поначалу более размытыми, легко разрушаемыми и требующими более жесткой защиты.

Вероятно, эти три ранние границы будут переживаться как наиболее устойчивые и гибкие при благоприятном развитии ребенка. Соответственно, именно о взаимодействии внутри этих первых трех пространств и границ и об опыте их освоения и построения пойдет речь в психотерапевтическом взаимодействии, имеющим дело с недостатками на самых ранних этапах развития. Это связано с многообразием переживаний слияния / отделения, становления идентичности / потери границ и близости / автономии, формы которых в негативных и позитивных проявлениях можно рассматривать в рамках этих трех первичных пространств и границ.

Мы назовем эти три первичных пространства и связанные с ними границы *первичными* и *естественными контейнерами* человека. По мере взросления каждый человек научается тонко и дифференцированно чувствовать свои границы, ориентироваться в своих пространствах, отстаивать их, защищать — возможно, даже с оружием в руках в случаях посягательства на его «землю».

Однако новорожденный ребенок еще не приобрел таких навыков — как в силу естественных обстоятельств, так и, возможно, в силу драматических жизненных вмешательств.

Поэтому в разговоре о нарушениях внутри этих трех первых пространств и границ мы с очевидностью выходим на столь значимые в аналитической психологии понятия «контейнера», «сеттинга», «теменоса», «аналитического пространства», которые часто эквивалентны друг другу, а иногда принимают совершенно разные значения. Об этих важных понятиях, их различиях и способах понимания мы поговорим в отдельной взятой работе.

Однако подчеркнем важность того фактора, что существенную роль в развитии человека играют так называемые естественные «жизненные пространства и их границы», которые мы выше обозначили как три первичных (тело как персональное пространство, дом как личное про-

странство жизни и земля, на которой человек родился и живет) и которые при определенных условиях можно соотнести с западным термином, широко используемым в аналитической практике для обозначения искусственно формируемого специального — аналитического пространства, — с определенными четкими границами, внутри которого будет происходить психотерапевтическое лечение.

Это специально создаваемое пространство, внешняя формальная часть которого называется сеттингом с определенными установочными правилами или договоренностями, включающими три неизменных элемента: время, место и деньги. Эта четко обозначенная рамка призвана «контейнировать» происходящее внутри нее динамическое взаимодействие диады. В аналитической практике сложились достаточно жесткие формальные установочные критерии: это чаще всего неизменное место встреч, строго ограниченное время сессии (от 45 до 60 минут), оплата каждой сессии с четкой договоренностью оплачивать пропущенные сессии, если о пропуске было уведомлено меньше чем за 24 часа, отсутствие контактов между сессиями, запрет на ролевые смещения (например, лектор не может являться одновременно и аналитиком или клиент не может присутствовать на одной и той же конференции одновременно со своим аналитиком, мать и ребенок из одной семьи не могут быть клиентами одного и того же аналитика). Очевидно, что на границах этих жестких договоренностей может происходить множество событий, например, опоздания, задержки, несвоевременная оплата, пропуски по «уважительным» причинам, «случайные» встречи и т.д. Мы сейчас также не будем обсуждать достоинства и недостатки сеттинга как такового (они, безусловно, есть).

Но часто такой серьезный акцент в пользу сеттинга с его жесткими договоренностями, совершенно не соответствующими нашей культуре (в том числе и культуре рабочих взаимоотношений), приводит к тому, что содержанием сессий становятся нарушения на границах сеттинга, а не внутриспсихическая и интерпсихическая жизнь клиента. Смещение к этим «внешним», формальным границам может приводить к еще более грубым сдвигам в психотерапевтическом пространстве — нарушениям в возникновении и формировании внутреннего контейнера: аналитического сосуда, теменоса.

В этой короткой статье мы не склонны обсуждать преимущества и недостатки аналитического метода как в целом, так и в частности, но некоторые связующие звенья между обсуждаемой темой и психотерапевтическим взаимодействием хотелось бы наметить.

Если проводить параллель между представлением о трех жизненных пространствах и искусственно создаваемом специальном психотерапевти-

ческом пространстве с его четко очерченными формальными границами и не вполне простроенными (с учетом естественных составляющих) границами внутренними, то многие смещения в понятиях, неисчислимые различия точек зрения, путаница в их локализации станут более прозрачными. Это возможно, поскольку могут быть предложены более четкие и ясные критерии, в соответствии с которыми могут формироваться взгляды на природу, структуру и динамику взаимодействия внутри «аналитического пространства» — аналитического контейнера, теменоса, имеющего свои формальные внешние стороны и характеристики, а также внутренние измерения, часть аспектов которых становится более зримой.

Все эти три вида границ, их формирование и осмысление и как естественно возникающих, и как искусственно создаваемых в аналитическом взаимодействии ждут более пристального внимания к себе исследователей. Это связано с тем, что не выделяется специального фокуса на обнаружение специфических проблем, способов, возможностей и ресурсов для исследования существующего, восстановления недостающего, заблокированных частей опыта или создания условий для компенсирующего переживания внутри выделенных пространств и их границ, их взаимопереходов, развития, взаимодействия и отражения в интрапсихическом и интерпсихическом пространствах. Особенно острой может оказаться тема становления и формирования границ и пространств в разных культурах, сообществах и временных аспектах истории.

Часть 3. Ограничения анализа: невидимые пространства взаимодействия

Поскольку, как мы уже выяснили, аналитическое взаимодействие происходит на чужой территории, то само наличие этого специфического фактора, учитываяя долговременную перспективу аналитических отношений, будет привносить свою собственную динамику и подспудно влиять как на другие обозначенные выше границы, так и на их эквиваленты во внутриспсихическом мире, возможно, привнося искажения, которые в дальнейшем могут подспудно помешать психотерапевтическому процессу в целом. Скрытая установка на «игнорирование» физических и связанных с ними ментальных аспектов внешнего пространства (например, терапевтической комнаты и двух вполне реальных людей в ней) сместит акцент, разумеется, как в сторону внутренних психологических составляющих, так и, что менее заметно, в сторону персональных пространств и их границ, а также границ и пространства тела.

Надо сказать, что вся аналитическая практика исторически складывалась как лечение с помощью разговора; совершив, конечно, гигант-

ские шаги за свою 100-летнюю историю, она во многом осталась вербальным взаимодействием — признающим, однако, несомненную значимость взаимоотношений. В последние десятилетия особенно дискуссионными стали проблемы аналитических отношений в соотношении с отношениями реальными, включенность телесных аспектов в анализ, генерализованная значимость переносно-контрпереносных взаимоотношений; также более четко произошло отделение школы, делающей акцент на архетипическом и символическом материале, игнорирующий аспект взаимоотношений [Виннер, 2011].

К.Г. Юнг утверждал, что бессознательное не дано нам непосредственно, а лишь косвенно. Для него само тело являлось «тенью» человеческой души [Юнг, 1994]. Логическим выводом могло бы стать умозаключение, что через тело и его жизнь мы получаем больший и более обоснованный доступ к бессознательным проявлениям психики. Например, в случае самых ранних травм и лишений следы событий могут остаться «на коже», а ее психофизический аспект, названный нами первой границей, — репрезентацией кожи и тела человека, — будет свидетельствовать об этих ранах.

В этом случае может быть оправданной и необходимой непосредственная психологическая работа с телом, где для аналитического метода оказывается спорным как реальный физический контакт с клиентом, так и реальные пространственные взаимодействия и их исследование.

Скажем, выверенная телесная поддержка как один из естественных элементов в телесно-ориентированной психотерапевтической работе немедленно воссоздает опыт совместности и, возможно, слияния на уровне физических ощущений и связанных с ними психофизических и психологических содержаний, позволяя постепенно вывести в сознание большую часть этого комплекса.

Привносся иное качество аффективного, актуально осознаваемого контакта, — при максимально возможной для данного терапевта степени присутствия и резонансного соучастия, — можно освободить телесные паттерны и создать условия для действительного обнаружения уникального опыта клиента не только в понятном, «воссоздающим» элементы прошлого взаимодействию, но и в преобразующем его актуальном контакте, что немаловажно.

Такого рода опыт контактной физической поддержки может быть *осмыслен в аналитической парадигме* и пережит как *осознанное слияние* и затем как *осознанное отделение*, в том числе поэтапно. Позволяя клиенту прожить (возможно, неоднократно) такого рода опыты в контакте с другим и помогая ему осознавать появляющиеся у него чувства, ощущение-

ния, образы, фантазии, воспоминания, способствуя проявлению его спонтанных телесных движений, возможно, помогая разворачивать «вторичные» процессы либо используя активное воображение или амплификацию, терапевт и клиент сталкиваются с вполне конкретным индивидуальным наполнением психофизическим содержанием теоретического конструкта взаимодействия «мать-дитя» и содействуют расширению внутреннего пространства клиента, высвобождая и «выращивая» забытую психическую сторону личности.

Важнейшим аргументом аналитического метода на запрет физических прикосновений и физических взаимодействий является, прежде всего, то, что физическое реальное воздействие есть прежде всего конкретное, а не символическое взаимодействие, непосредственное удовлетворение желания, потребности, что препятствует развитию символической функции, которая не дана как способность априори с рождения. При такой аргументации возникает ряд проблем, противоречивых теоретических посылов и множество вопросов.

Один из мгновенно возникающих вопросов: чем именно конкретное удовлетворение потребности в эмоциональном контакте, в «интеллектуальном» понимании и/или разделенности переживаний как получении желаемого эмоционального соучастия отличается от конкретного удовлетворения потребности в физическом контакте и взаимодействии? Почему потребность в физическом контакте, движении, двигательном взаимодействии и их тонком анализе в динамическом процессе выносятся за пределы аналитического метода в целом, за некоторыми «случайными» исключениями или особняком стоящим отдельным направлением, связанным с юнгианством (танцевально-двигательным), — аналогично запретам на сексуальные контакты, совместное употребление алкоголя, обмен интимными подарками (что, в частности, не принято в современной культуре, например, на приеме у врача, занятиях с учителем, на исповеди у священника и т.д.). Почему основанием именно этого ограничения является опасение разрушения символизации или нанесение серьезного вреда развитию этой функции? Возможно, вопрос гораздо более тонкий?

В истории известны примеры прямо противоположные: на «Тайной вечере» совместная трапеза Учителя с учениками за вином и хлебом, которые, как и сама трапеза, становятся мощнейшим символом, объединяющим на долгие века миллионы разных людей. Мы сталкиваемся с примером того, как «обыденное», привычное ординарное действие — совместный ужин — становится великим символическим действием. Ученики символически причащаются невидимому Духу через присутст-

вие Бога и сказанное Им Слово, воплощенное в конкретном — в вине и хлебе, становящемся кровью и плотью Христовой.

Вероятно, водораздел и граница между конкретным и символическим проходит как-то иначе, и можно, по-видимому, говорить о различиях культур и особенностях становления символической функции в развитии человеческого существа, опосредованно связанного с нормами духовной культуры. Помимо того, что мы сталкиваемся с социокультурными нормами, юридическими законами общества и «божественными заповедями» разных народов, история также дает нам примеры индивидуальных человеческих различий. Так, эмоциональное и интеллектуальное общение одиноких гениев, святых отшельников, пустынных символизируется творческими духовными актами.

В аналитической разговорной парадигме ограничения автоматически накладываются и на некоторые уже упоминавшиеся аспекты слияния / отделения, укрепления идентичности / потери границ, близости / автономии, принадлежности / независимости внутри собственных персональных пространств и во взаимодействии личностных пространств в диаде или группе.

Таким образом, за пределами аналитического рассмотрения остаются названные нами выше *естественные человеческие контейнеры*, а ресурсы, которые могут в них заключаться, в свою очередь остаются за пределами психотерапевтического взаимоотношения. А потребности и нужды, которые могли бы удовлетворяться более естественным образом, и условия их более полного насыщения остаются «слепыми пятнами», невидимыми пространствами взаимодействия.

Часть 4. Потребности клиента и потребности аналитика в процессе психотерапии

Мы не станем обсуждать в этой практико-ориентированной статье философские вопросы, связанные с появлением такой широкой области деятельности и специфических личных отношений в жизни человеческих сообществ, как психотерапия. Хотя самым общим ответом мог бы быть такой: психотерапия откликается на нужды человека в познании себя, исцелении, установлении удовлетворительных взаимоотношений с друзьями, партнерами и внутри семей, нахождении своего места в мире.

Давайте сузим поле рассмотрения и зададим вопрос, как психотерапия связана с человеческими потребностями и их удовлетворением (от базовых до высших) внутри аналитической диады?

Вероятно, такой вопрос можно было бы задать к любому психотерапевтическому методу. Одним из возможных ответов будет такой: психо-

терапия — это в большей степени потребности и нужды души и скорее их символическое удовлетворение. Но как тогда быть с такими конкретными удовлетворениями, например, в контакте, прочной эмоциональной связи и доверии, психологической безопасности или признании, холдинге или «отзеркаливании» и «контейнировании», что непосредственно связано и с телесным взаимодействием (что подтверждают не только современные психологические теории, но и нейробиологические исследования и теории привязанности)?

Можно было бы ответить, что, например, установление доверительного контакта и создание прочной эмоциональной связи с клиентом является *условием и средством* подготовки его выхода на уровень символизации внутри психотерапевтической деятельности, а отнюдь не ее целью и задачей.

Но даже такого рода ответ не обосновывает линию водораздела, проходящую через телесность, не говоря уже о том, что, по мнению К.Г. Юнга, бессознательное находится именно в теле, при невыводимости одного из другого и их нетождественности. Юнг вводит понятие «психоиды» — начала не материального и не духовного, но их парадоксального объединения, призванного объяснить необъяснимое (паранормальные явления, синхронистичность, телепатию, творческие порывы и неизреченные деяния совести).

Таким образом, аналитическая психология, «выбирая» основанием для введения некоторых ограничений развитие символической функции, должна иметь ясное представление о времени и условиях ее зарождения и характере становления и развития в возрастных границах.

И это вопрос, на который сегодня нет ответа. Недоговоренностями или умолчанием в этом случае обходятся вопросы об обращении с довербальным опытом, включая перинатальный.

Возможно, именно в этом месте мы непосредственно выходим на вопросы, касающиеся нужд не только наших клиентов, но и самих психотерапевтов.

Говоря о способности аналитика не злоупотреблять доверием клиента для удовлетворения собственных нужд, мы говорим скорее о тех возможных нуждах аналитика, удовлетворение которых нанесет очевидный вред клиенту, т.е. об основах нравственности аналитика (в частности, сохранение конфиденциальности, запрет на сексуальное, материальное использование, запрет на самоутверждение за счет клиента и т.д.).

Тогда как можно предположить и обрисовать круг потребностей, которые может хотеть удовлетворить человек, выбирающий профессию аналитика или психотерапевта, опираясь на описание потребностей в

«Пирамиде Маслоу». Например, это потребность как просто в контакте, так и в глубоком контакте, потребность в удовлетворении любознательности и/или любопытства, желания проникнуть во внутренний мир другого как можно глубже — «...не на грудь хотим, а в грудь! К Нилу — или еще куда-нибудь дальше! За предельные пределы станций!» [Цветева, 1980], — что, с другой стороны, оказывается потребностью «залезть в душу», «поставить себя на чужое место», «побывать в чужой шкуре».

Потребности в безопасности, самореализации, любви, признании, принадлежности, уважении, восхищении, контроле, влиянии, власти, самоподтверждении, помощи людям, заботе, внимании, принятии, материальном обеспечении и т.д. также удовлетворяются профессиональной деятельностью — в большей или меньшей степени. Осознаваемое или бессознательное удовлетворение этих потребностей зависит в основном от соотношения между величиной и силой потребности у конкретного человека, его личностными особенностями, нравственными установками, его возможностями в удовлетворении этих потребностей в своей частной жизни, терпимости к фрустрации и силы личности (в аналитической терминологии — силы «эго»).

По умолчанию предполагается, что основные значимые потребности аналитик удовлетворяет за пределами аналитического пространства, в рамках своей частной жизни.

Однако очевидно, что сам характер аналитической или психотерапевтической работы предполагает наличие определенных личностных особенностей, в основании которых лежат вполне определенные потребности: от нужд, вызванных дефицитами развития, до общечеловеческих «ненасыщаемых» потребностей.

И очевидно, что у людей, выбирающих такую профессию, некоторые потребности могут быть более сильными. Например, существуют психоаналитические наблюдения и исследования, делающие вывод, что среди аналитиков и психотерапевтов самое большое количество людей с депрессивной личностной организацией и с очень высокой потребностью в любви и близости.

Можно привести и такой очевидный пример: психотерапевт, занимающийся исключительно частной практикой и живущий на доходы от нее, в большей степени будет финансово зависеть от средств, которые он получает в работе с клиентами, чем профессионал, получающий, скажем, большую часть дохода из других источников. Зависимость терапевта от денег клиента в данном случае бесспорна. Однако влияние этой «зависимости» на взаимоотношения с клиентом будет опосредовано осознанностью аналитиком своей зависимости, своих личных ка-

честв (таких, например, как алчность), финансовых потребностей и амбиций, средней рыночной цены и ее соответствия «реальной» стоимости рабочих затрат (что зависит прежде всего от установленного обществом «справедливого» эквивалента между затрачиваемыми усилиями и вознаграждением) и тем, каким именно образом аналитик внутри себя будет решать все эти сложные вопросы и дилеммы.

Кроме того, профлессия психотерапевта обеспечивает и другую, не столь очевидную психологическую ситуацию: психотерапевт или аналитик находится в гораздо большей априорной психологической безопасности по сравнению с клиентом в процессе взаимодействия в силу неравенства позиций — аналитика защищает его профессиональная роль, его аналитическая позиция.

Это дает фору аналитику в удовлетворении нарциссических нужд, а также дает ему преимущества в удовлетворении потребности в безопасности внутри глубокого контакта, соседствующей с его большим или меньшим любопытством и любознательностью, находящимися в разной степени осознанности, с желанием заглянуть во внутренний мир другого человека, узнать его, проникнуть внутрь.

С психоаналитических и аналитических позиций основой такой потребности может быть бессознательное инфантильное желание слияния; в классической психоаналитической интерпретации это желание поглотить «мать» или «отца» и желание избежать собственной поглощенности другим.

Не обсуждая наличия и тонкостей такого инфантильного желания в данной статье, мы, однако, акцентируем следующий факт: с психоаналитической и аналитической точек зрения это желание может принадлежать исключительно бессознательному клиенту — аналитик же «застрахован» от таких проявлений как прохождением собственного анализа, так и аналитической позицией.

Поскольку аналитическая психотерапия использует работу с бессознательным с помощью интерпретаций и ориентируется в анализе на модель «родитель-дитя» (и прежде всего именно на модель «мать-дитя»), принимая комплекс родительских проекций клиента, аналитический психотерапевт под «достаточно хорошим материнским контактом» парадоксально имеет в виду весьма ограниченный диапазон и во многом статичную форму этого взаимодействия; когда же он находит лакуны и прорехи в развитии взрослого клиента в его детстве, то ограничивается сопереживанием взрослому, очень часто недостаточным (в зависимости от степени эмпатичности), и анализом ситуации и/или переноса, с акцентом на анализ. При этом часто не учитывается основной па-

фос Винникотта, описывающего «достаточно хорошую мать» в ее безраздельной преданности своему ребенку, жертвенности и поглощенности им, в особом материнском безумии.

Таким образом, «младенец» (если это нуждающийся младенец) внутри взрослого клиента по-прежнему испытывает те же лишения, ту же самую нехватку в *эмоционально-действенном* взаимодействии, а зрелая сторона клиента может переживать чувство своей невидимости аналитику, тогда как личность аналитика открывается клиенту своими защитными сторонами.

Скажем, мать взрослого в настоящий момент человека в его детстве отвечала «ударом на удар» — молниеносно раздражалась и злилась в ответ на гнев брошенного и фрустрированного младенца. Аналитик, возможно, сумеет «вычислить» этот паттерн и сможет в приемлемой форме довести до сознания клиента важную информацию, сопереживая боли и печали этого вполне взрослого человека от того, что такая ситуация сложилась в его младенчестве, что безусловно усиливало его страх, гнев и отчаяние как ребенка. Однако парадоксальным образом такого рода «аналитическая находка» и разделение горя со взрослой частью клиента по отношению к его «несчастному» детству оставляет ни с чем как младенческую сторону личности, так и взрослую, «обоснованно» разгневанную на частичную ошибку в эмпатии, не позволяя ей проявить и задействовать гнев, контейнировать и трансформировать его.

В аналитической психологии считается, что интеллектуальное понимание такой (например) ситуации, донесенное до клиента, и глубокая, но частичная эмпатия, одностороннее разделение чувств приведут к исцелению этой детской раны, что само по себе даст клиенту возможность изменить детский паттерн реагирования. Это, безусловно, значительная часть работы, действительно, иногда продолжается последующими глубокими изменениями — однако далеко не всегда.

С точки зрения аналитической психологии школы развития, проблему решает тонкий анализ переносно-контрпереносных отношений, при которых особенности синтонного и дополнительного контрпереноса способны вобрать и сконтейнировать болезненный патологический опыт детства [Контрперенос в психоаналитической психотерапии..., 2005]. При этом четкого и ясного ответа на вопрос, удалось ли на этот раз что-то сконтейнировать или нет, часто попросту не существует.

К тому же ранняя травма или детские лишения бывают столь болезненны и глубоки и проявляют себя таким образом, что клиент неосознанно провоцирует повторение детского паттерна не только в жизни,

но и снова и снова проигрывает его в аналитической ситуации. И здесь мы как раз и вступаем на крайне зыбкую территорию — в трудное, неоднозначное аналитическое поле проективных идентификаций, контрпроективных идентификаций и бессознательного одностороннего «слияния» клиента с аналитиком. Крупицы понимания терапевта и клиента, «контейнирование» аналитиком чувств вокруг этой ситуации оказываются недостаточными для изменения. Что делать? Такой вопрос аналитики ставят себе или супервизору снова и снова. В результате понимание (часто за счет активного воображения и/или амплификации) углубляется, а значимых изменений не происходит. В чем тут загвоздка?

Современная аналитическая психотерапия, ставящая акцент на работе с переносом и контрпереносом, уподобляет контрперенос активному воображению [Виннер, 2011], тонкость, богатство и развитость которого на бессознательном уровне психотерапевта должны делать его готовым соприкоснуться и вывести при определенных усилиях в его сознание недоступные части и стороны опыта клиента.

Эта вполне дискуссионная тема, которую мы оставляем для следующей статьи.

Упомянем лишь утверждение А. Биона, что способная мечтать мать своей способностью к мечте, переживанию фантазии о своем ребенке и его будущем создает некое поле, психическое пространство во взаимодействии с ним, в котором становится возможной трансформация бета-элементов опыта в альфа-элементы [Приводится по: Гринберг, 2007]. Такого рода способность аналитика «мечтать» о клиенте, создавать внутри себя пространство мечты, в котором могут находиться конкретные переживания и фантазии о росте клиента, наполненные чувством, предощущением его будущего, «желанием повышения качества его жизни», «пожеланием душевного благополучия», а также наблюдениями и фантазиями об изменениях в его мироощущении, надеждами на изменения в его взаимоотношениях, его «вкусе», одежде, материальном статусе, а возможно, и эротическими мечтами и фантазиями и т.д., может создавать некую потенциальную «атмосферу», располагающую к проявлению скрытых сторон взаимодействия и личностей участников. Широкое задействование воображения может быть важным условием создания фантазийной психической «зоны ближайшего развития» в поле взаимодействия между терапевтом и клиентом, а также возможности для терапевта использовать собственное воображение, содержание своих фантазий и направленного чувства в качестве инструмента, привносящего психическое измерение в поле взаимодействия с клиентом — в том месте опыта клиента, где оно еще отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

- Виннер Дж. Терапевтические отношения. Перенос, контрперенос и обретение смысла. М.: Когито-Центр, 2011.
- Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 1998.
- Винникотт Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: Изд-во «Литур», 2004.
- Гринберг Л., Сор Д., Табак де Бьянчеди Э. Введение в работы Биона. М.: Когито-Центр, 2007.
- Гугенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / пер. с нем. С.С. Панкова, науч. ред. В.В. Зеленского. СПб.: Б.С.К., 1997.
- Контрперенос в психоаналитической психотерапии детей и подростков / под ред. Дж. Циантиса, А.-М. Сандлер, Д. Анастасопулоса, Б. Мартиндейла. М.: Когито-Центр, 2005.
- Стайн М. Принцип индивидуации: о развитии человеческого сознания / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009.
- Стайн М. Юнговская карта души: Введение в аналитическую психологию / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010.
- Цветаева М. Сочинения. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. М.: Художественная литература, 1980. С. 268.
- Эльячефф К. Затаенная боль. Дневник психоаналитика. Детский психоанализ. М.: Кстати, 1999. С. 17-39.
- Юнг К.Г. Аналитическая психология / пер. и ред. В.В. Зеленского. СПб.: Кентавр, Палангир, 1994.
- Bradway K. and McCoard B. Sandplay. 1997. *Silent Workshop of the Psyche*. Routledge. P. 6—9.
- Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V. and Fogassi L. 1996. Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Cognitive Brain Research* 3 (2): 131—141.
- Winnicott D. 1971. *Playing and reality*. P. 174.

VISIBLE AND INVISIBLE COMMUNICATION SPACES AND DIMENSIONS BETWEEN PSYCHOANALYTIC AND PATIENT

M.V. LOMOVA

First and second parts of this article describes the special spaces of interpersonal relation in a pair of therapist — client. Without going into the depth of metaphysics of intrapersonal and interpersonal spaces of personal encounter the author stresses of enough obvious spaces which could be seen in their outer and partly inner characteristics and paralleled how they emerged and formed in early infancy from all the beginning in the childhood of any particular person.

The author hypothesized the existence of three early primary spaces and boundaries and its dimensions as a psychophysical and psychological phenomenon and researching it in analytical process in a broaden frame.

The third and fourth parts of the article tells about analytical limitations inside those special three spaces in psychotherapeutic relationship and compare and explain some questionable places about possibility of symbolical and actual needs satisfaction inside analytical encounter.

- Vinner Dzh. Terapevticheskie otnoshenija. Perenos, kontrperenos i obretenie smysla. M.: Kogito-Centr, 2011.
- Vinnikott D.V. Malen'kie deti i ih materi. M.: Klass, 1998.
- Vinnikott D.V. Sem'ja i razvitie lichnosti. Mat' i ditja. Ekaterinburg: Izd-vo «Litur», 2004.
- Grinberg L., Sor D., Tabak de B'janchedi Je. Vvedenie v raboty Biona. M.: Kogito-Centr, 2007.
- Guggenbjul'-Krejt A. Vlast' arhetipa v psihoterapii i medicine / per. s nem. S.S. Pankova, nauch. red. V.V. Zelenskogo. SPb.: B.S.K., 1997.
- Kontrperenos v psihoanaliticheskoj psihoterapii detej i podrostkov / pod red. Dzh. Ciantisa, A.-M. Sandler, D. Anastasopulosa, B. Martindejla. M.: Kogito-Centr, 2005.
- Stajm M. Princip individualizacii: o razvitii chelovecheskogo soznaniya / per. s angl. M.: Kogito-Centr, 2009.
- Stajm M. Jungovskaja karta dushi: Vvedenie v analiticheskuju psihologiju / per. s angl. M.: Kogito-Centr, 2010.
- Cvetaeva M. Sochinenija. T. 1. Stihotvorenija. Pojemy. Dramaticheskie proizvedenija. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1980. S. 268.
- Jel'jacheff K. Zataennaja bol'. Dnevnik psihoanalitika. Detskij psihoanaliz. M.: Kstati, 1999. S. 17-39.
- Jung K.G. Analiticheskaja psihologija / per. i red. V.V. Zelenskogo. SPb.: Kentavr, Palantir, 1994.
- Bradway K. and McCoard B. Sandplay. 1997. *Silent Workshop of the Psyche*. Routledge. P. 6—9.
- Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V. and Fogassi L. 1996. Premotor cortex and the recognition of motor actions. *Cognitive Brain Research* 3 (2): 131—141.
- Winnicott D. 1971. *Playing and reality*. P. 174.